

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

И. А. Крылов

БАСНИ

Художник А. К. ЖАБА

Малая книга с историей

Иван Крылов

Басни

«Издательский Дом Мещерякова»

УДК 821.161
ББК 84(2Рос=Рус)1

Крылов И. А.

Басни / И. А. Крылов — «Издательский Дом Мещерякова»,
— (Малая книга с историей)

С баснями Ивана Андреевича Крылова многие знакомятся ещё в детстве и возвращаются к ним во взрослом возрасте, перечитывая и открывая новые смыслы. Их аллегоричность и поэтичность понятны и ребёнку и взрослому. Удивительные по красоте и тонкому юмору, несущие в себе народную мудрость, они были переведены на разные европейские языки. В настоящее издание вошли 60 басен Крылова, из которых многие разошлись на пословицы и поговорки.

УДК 821.161
ББК 84(2Рос=Рус)1

© Крылов И. А.
© Издательский Дом Мещерякова

Содержание

Ворона и Лисица	8
Дуб и Трость	10
Музыканты	12
Ворона и Курица	13
Ларчик	14
Разборчивая невеста	15
Оракул	18
Василёк	20
Мартышка и Очки	22
Роца и Огонь	25
Волк и Ягнёнок	27
Синица	28
Два Голубя	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Иван Крылов

Басни

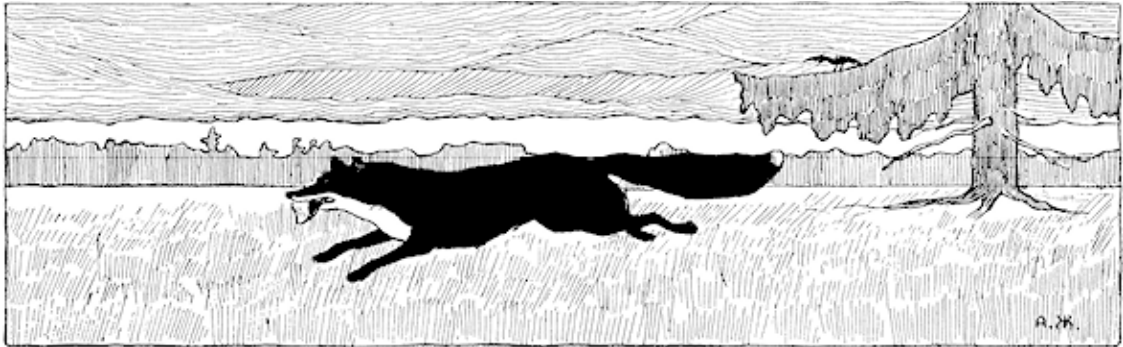
© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

* * *

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лезть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то Бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие пёрушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, –
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло, –
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во всё воронье горло:
Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

НА ТУ БЕДУ ЛИСА БЛИЗЕХОНЬКО БЕЖАЛА;
ВДРУГ СЫРНЫЙ ДУХ ЛИСУ ОСТАНОВИЛ

Дуб и Трость

С Тростинкой Дуб однажды в речь вошёл.
«Поистине, роптать ты вправе на природу, –
Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжёл.
Чуть лёгкий ветерок подёрнет рябью воду,
Ты зашатаешься, начнёшь слабеть
И так нагнёшься сиротливо,
Что жалко на тебя смотреть.
Меж тем как, наравне с Кавказом, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучам,
Но, посмеваясь и вихрям и грозам,
Стою и твёрд и прям,
Как будто б ограждён ненарушимым миром:
Тебе всё бурей – мне всё кажется зефиром.
Хотя б уж ты в окружности росла,
Густою тению ветвей моих покрытой,
От непогод бы я быть мог тебе защитой;
Но вам в удел природа отвела
Брега бурливого Эолова владенья:
Конечно, нет совсем у ней о вас раденья». –
«Ты очень жалостлив, – сказала
Трость в ответ, –

БУШУЕТ ВЕТР, УДВОИЛ СИЛЫ ОН, ВЗРЕВЕЛ – И ВЫРВАЛ С КОРНЕМ ВОН ТОГО,
КТО НЕБЕСАМ ГЛAVОЙ СВОЕЙ КАСАЛСЯ...

Однако не крушись: мне столько худа нет.
Не за себя я вихрей опасуюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Так бури мало мне вредят;
Едва ль не более тебе они грозят!
То правда, что ещё доселе их свирепость
Твою не одолела крепость
И от ударов их ты не склонял лица;
Но – подождём конца!»
Едва лишь это Трость сказала,
Вдруг мчится с северных сторон
И с градом и с дождём шумящий аквилон.
Дуб держится, – к земле Тростиночка припала.
Бушует ветер, удвоил силы он,
Взревел – и вырвал с корнем вон
Того, кто небесам главой своей касался
И в области теней пятою упирался.

Музыканты

Сосед соседа звал откушать;
Но умысел другой тут был:
Хозяин музыку любил
И заманил к себе соседа певчих слушать.
Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
В ушах у гостя затрещало
И закружилась голова.
«Помилуй ты меня, – сказал он с удивленьем, –
Чем любоваться тут? Твой хор
Горланит вздор!» –
«То правда, – отвечал хозяин с умиленьем, –
Они немножечко дерут;
Зато уж в рот хмельного не берут,
И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
Да дело разумей.

Ворона и Курица

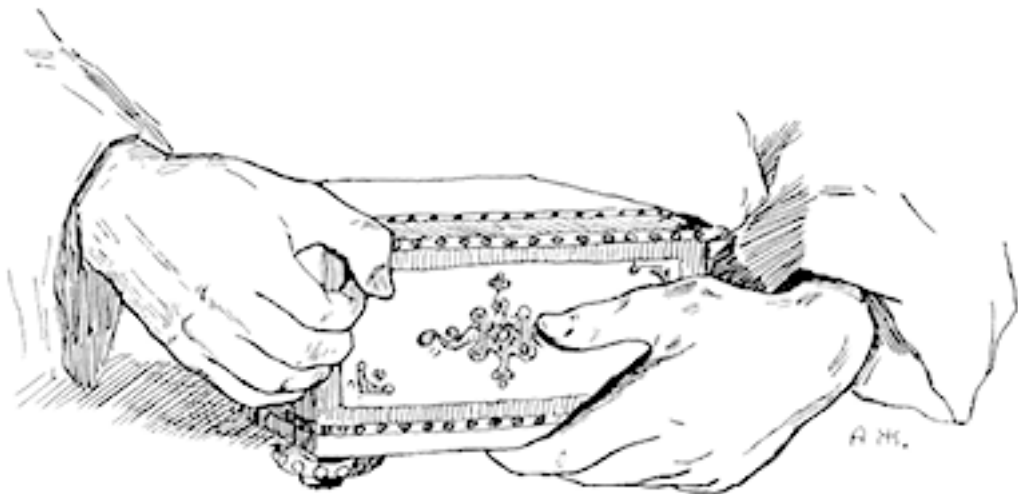
Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил,
Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вон из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.
Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
Спокойно, чистя нос, глядит.
«А ты что ж, кумушка, в дорогу? –
Ей с возу Курица кричит. –
Ведь говорят, что у порогу
Наш супостат». –
«Мне что до этого за дело? –
Вещунья ей в ответ. – Я здесь останусь смело.
Вот ваши сёстры – как хотят;
А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
Так мне с гостями не мудрено ужиться,
А, может быть, ещё удастся поживиться
Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вместо всех поживок ей,
Как голодом морить Смоленский стал гостей, –
Она сама к ним в суп попалась.

Так часто человек в расчётах слеп и глуп.
За счастьем, кажется, ты по пятам несёшься:
А как на деле с ним сочтёшься –
Попался, как ворона в суп!

Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».
Вот за Ларец принялся он:
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает;
То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
Тут, глядя на него, иной
Качает головой;
Те шепчутся, а те смеются меж собой.
В ушах лишь только отдаётся:
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.
Потел, потел; но наконец устал,
От Ларчика отстал
И, как открыть его, никак не догадался;
А Ларчик просто открывался.

Разборчивая невеста

Невеста-девушка смышляла жениха;
Тут нет ещё греха,
Да вот что грех: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умён,
И в лентах, и в чести, и молод был бы он
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы всё имел. Кто ж может всё иметь?
Ещё и то заметь,
Чтобы любить её, а ревновать не сметь.
Хоть чудно, только так была она счастлива,
Что женихи, как на отбор,
Презнатные катили к ней на двор.
Но в выборе её и вкус и мысли тонки:
Такие женихи другим невестам клад,
А ей они на взгляд
Не женихи, а женишонки!
Ну, как ей выбирать из этих женихов?
Тот не в чинах, другой без орденов;
А тот бы и в чинах, да жаль, карманы пусты;
То нос широк, то брови густы;

Тут этак, там не так;
Ну, не придёт никто по мысли ей никак.
Посмолкли женихи, – годка два перепали,
Другие новых свах заслали:
Да только женихи средней уж руки.
«Какие простаки! –
Твердит красавица, – по них ли я невеста?
Ну, право, их затеи не у места!
И не таких я женихов
С двора с поклоном проводила;
Пойду ль я за кого из этих чудаков?
Как будто б я себя замужством торопила,
Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потом, отказы слыша те же,
Уж стали женихи навёртываться реже.
Проходит год,
Никто нейдёт;
Ещё минул годок, ещё уплыл год целой:
К ней свах никто не шлёт.
Вот наша девушка уж стала девой зрелой.
Зачнёт считать своих подруг
(А ей считать большой досуг):
Та замужем давно, другую сговорили;
Её как будто позабыли.
Закралась грусть в красавицыну грудь.
Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
Из прелести её лихое время крало.
Сперва румянца нет; там живости в глазах;
Умильны ямочки пропали на щеках;
Весёлость, резвости как будто ускользнули;
Там волоска два-три седые проглянули:
Беда со всех сторон!
Бывало, без неё собранье не прелестно;
От пленников её вкруг ней бывало тесно:
А ныне, ах! её зовут уж на бостон!
Вот тут спесивица переменяет тон.
Рассудок ей велит замужством торопиться:
Перестаёт она гордиться.
Как косо на мужчин девица ни глядит,
А сердце ей за нас всегда своё твердит.
Чтоб в одиночестве не кончить веку,
Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

Оракул

В каком-то капище был деревянный бог,
И стал он говорить пророчески ответы
И мудрые давать советы.
За то, от головы до ног
Обвешан и серебром и златом,
Стоял в наряде пребогатом,
Завален жертвами, мольбами заглушён
И фимиамом задушён.
В Оракула все верят слепо;
Как вдруг – о чудо, о позор! –
Заговорил Оракул вздор:
Стал отвечать нескладно и нелепо;
И кто к нему зачем ни подойдёт,
Оракул наш что молвит, то соврёт;
Ну так, что всякий дивовался,
Куда пророческий в нём дар девался!
А дело в том,
Что идол был пустой и саживались в нём
Жрецы вещать мирянам.
И так,
Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
А как засел в него дурак,
То идол стал болван болваном.

Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

Василёк

В глуши расцветший Василёк
Вдруг захирел, завял почти до половины
И, голову склоня на стебелёк,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило?» –
«Уж как ты прост, мой друг! –
Ему сказал, вблизи копаясь, Жук. –
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растёшь,
И вянешь ты, или цветёшь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы.
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает
И удивительно красотой
Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
А ты ни пышен, ни пахуч,
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит,
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»
Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи

И бедный Василёк, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:
Куда лишь луч его достанет, там оно –
Былинке ль, кедру ли – благотворит равно
И радость по себе и счастье оставляет;
За то и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И всё его благословляет.

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу, пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне нагали;
А проку на волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень такхватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,

ОЧКОВ С ПОЛДЮЖИНЫ СЕБЕ ОНА ДОСТАЛА;
ВЕРТИТ ОЧКАМИ ТАК И СЯК...

Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Роща и Огонь

С разбором выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроет –
Она тебе лишь яму роет.
Чтоб эту истину понять ещё ясней,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонёк под Рощей тлился;
Как видно, тут он был дорожными забыт.
Час от часу Огонь слабее становился;
Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
И, видя свой конец, так Роще говорит:
«Скажи мне, Роща дорогая!
За что твоя так участь жестока,
Что на тебе не видно ни листка
И мёрзнешь ты совсем нагая?» –
«Затем, что вся в снегу,
Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу», –
Огню так Роща отвечает.
«Безделица! – Огонь ей продолжает, –
Лишь подружись со мной, тебе я помогу.
Я солнцев брат и зимнею порою
Чудес не меньше солнца строю.
Спроси в теплицах об Огне:
Зимой, когда кругом и снег и вьюга вее,
Там всё или цветёт, иль зреет:
А всё за всё спасибо мне.
Хвалить себя хоть не пристало,
И хвастовства я не люблю,
Но солнцу в силе я никак не уступлю.
Как здесь оно спесиво ни блистало,
Но без вреда снегам спустилось на ночлег;

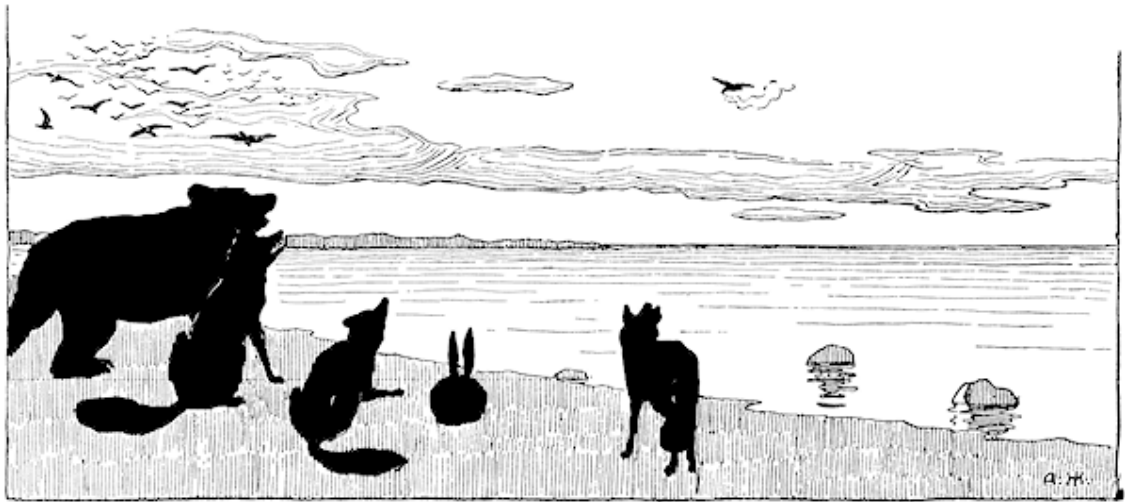
А около меня, смотри, как тает снег.
Так если зеленеть желаешь ты зимою,
 Как летом и весною,
 Дай у себя мне уголок!»
Вот дело слажено: уж в Роще Огонёк
 Становится Огнём, Огонь не дремлет:
 Бежит по ветвям, по сучкам;
Клубами чёрный дым несётся к облакам,
И пламя лютое всю Рошу вдруг объемлет.
Погибло всё вконец, – и там, где в знойны дни
Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
 И нечему дивиться:
Как дереву с огнём дружитья?

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться,
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». –
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». –
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» –
«Помилуй, мне ещё и отроду нет году», –
Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». –
«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». –
«Ах, я в чём виноват?» – «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал – и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

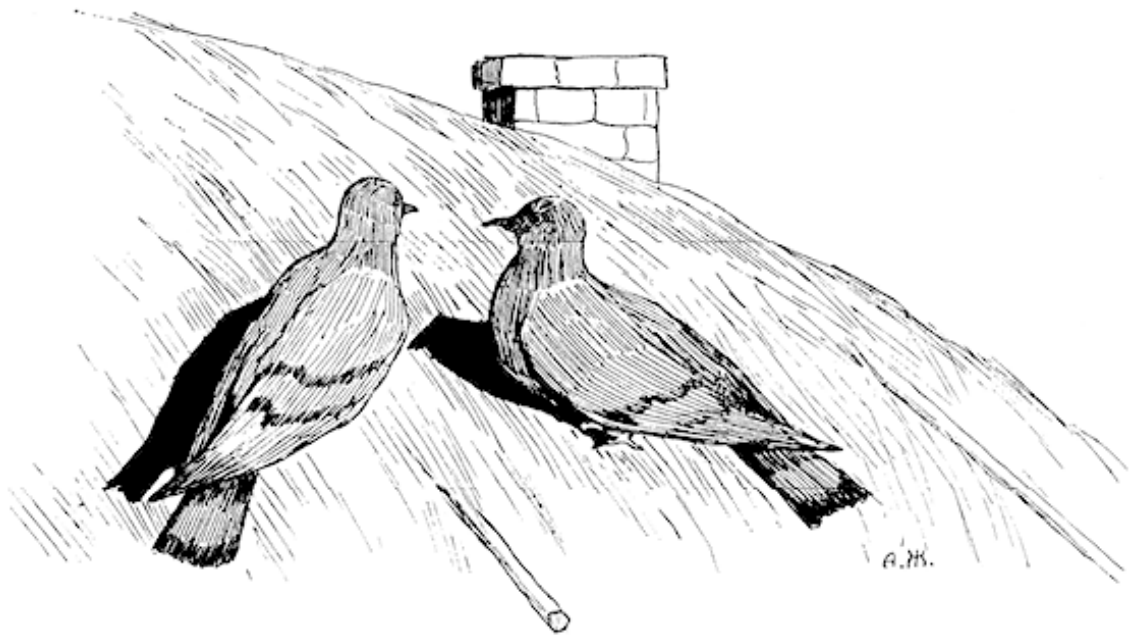
Синица

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли, гореть.
И даже, говорят, на слух молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирам
Из первых с ложками явились к берегам,
Чтоб похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщик и самый тороватый
Не даывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;
Лишь изредка иной шепнёт:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Два Голубя

Два Голубя как два родные брата жили,
Друг бѣз друга они не ели и не пили;
Где видишь одного, другой уж, верно, там;
И радость и печаль – всё было пополам.
Не видели они, как время пролетало;
Бывало грустно им, а скучно не бывало.
Ну, кажется, куда б хотеть
Или от милой, иль от друга?
Нет, вздумал странствовать один из них – лететь
Увидеть, осмотреть
Диковинки земного круга,
Ложь с истиной сличить, поверить быль с молвой.
«Куда ты? – говорит сквозь слѣз ему другой, –
Что пользы пб свету таскаться?
Иль с другом хочешь ты расстаться?
Бессовестный! когда меня тебе не жаль,
Так вспомни хищных птиц, силки, грозы ужасны
И всё, чем странствия опасны!
Хоть подожди весны лететь в такую даль:
Уж я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь ещё и корм и скуден так, и мал;
Да, чу! и ворон прокричал:
Ведь это, верно, к худу.
Останься дома, милый мой,
Ну, нам ведь весело с тобой!
Куда ж ещё тебе лететь, не разумею;
А я так без тебя совсем осиротею.

Силки, да коршуны, да громы только мне
Казаться будут и во сне;
Всё стану над тобой бояться я несчастья:
Чуть тучка лишь над головой,
Я буду говорить: ах! где-то братец мой?
Здоров ли, сыт ли он, укрыт ли от ненастья!»
Растрогала речь эта Голубка;
Жаль братца, да лететь охота велика:
Она и рассуждать и чувствовать мешает.
«Не плачь, мой милый, – так он друга утешает, –
Я на три дня с тобой, не больше, разлучусь.
Всё наскоро в пути замечу на полете,
И, осмотрев, что есть диковинней на свете,
Под крылышко к дружку назад я ворочусь.
Тогда-то будет нам о чём повесть словечко!
Я вспомню каждый час и каждое местечко;
Всё расскажу: дела ль, обычай ли какой,
Иль где какое видел диво.
Ты, слушая меня, представишь всё так живо,
Как будто б сам летал ты по свету со мной».
Тут – делать нечего – друзья поцеловались,
Простились и расстались.
Вот странник наш летит; вдруг в встречу дождь и гром;
Под ним, как океан, синее степь кругом.
Где деться? К счастью, дуб сухой в глаза попался;
Кой-как угнездился, прижался
К нему наш Голубок;
Но ни от ветру он укрыться тут не мог,
Ни от дождя спастись: весь вымок и продрог.
Утих помалу гром. Чуть солнце просияло,
Желанье позывать бедняжку дале стало.
Встряхнулся и летит, – летит и видит он:
В заглушь под леском рассыпана пшеничка.
Спустился – в сети тут попалась наша птичка!
Беды со всех сторон!
Трепещется он, рвётся, бьётся;
По счастью, сеть стара: кой-как её прорвал,
Лишь ножку вывихнул да крылышко помял!
Но не до них: он прочь без памяти несётся.
Вот, пуще той беды беда над головой!
Отколь ни взялся ястреб злой;
Не взвидел света Голубь мой!
От ястреба из сил последних машет.
Ах, силы вкоротке! совсем истощены!
Уж когти хищные над ним распущены;
Уж холодом в него с широких крыльев пашет.
Тогда орёл, с небес направля свой полет,
Ударил в ястреба всей силой –
И хищник хищнику достался на обед.

Меж тем наш Голубь милой,
Вниз камнем ринувшись, прижался под плетнём.
Но тем ещё не кончилось на нём:
Одна беда всегда другую накликает.
Ребёнок, черепком наметя в Голубка, –
Сей возраст жалости не знает –
Швырнул и раскроил висок у бедняка.
Тогда-то странник наш, с разбитой головою,
С попорченным крылом, с повихнутой ногою,
Кляня охоту видеть свет,
Поплёлся кое-как домой без новых бед.
Счастлив ещё: его там дружба ожидает!
К отраде он своей,
Услуги лекаря и помощь видит в ней;
С ней скоро все беды и горе забывает.

О вы, которые объехать свет вокруг
Желанием горите!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.